

Иванова Татьяна

КОРОНА
ПОД ЧЁРНЫМ ФЛАГОМ

18+

Татьяна Иванова

Корона под черным флагом

«Автор»

2026

Иванова Т.

Корона под черным флагом / Т. Иванова — «Автор», 2026

Меня звали Капитаном. У меня был лучший корабль — «Чёрная Мгла», и я была королевой горизонтов. Алчной, наглой и чертовски успешной. Но удача — дама переменчивая. Теперь я сижу на берегу, без команды и без гроша, скинутая с собственного судна, как мешок с дерьмом. А в это время в порту орудует Рэйтон. Будущий король с ледяными глазами и руками по локоть в крови. Пока его братья-идiotы думают, что трон у них в кармане, он уже всё решил. Рэйтон — это воплощение жестокости. Хладнокровный ублюдок, который не моргнёт глазом, убивая. Мы с ним из разных миров? Чёрта с два. Мы оба — хищники. Мы оба привыкли брать своё силой. И когда наши пути пересеклись, я поняла: либо я стану его добычей, либо он — моим самым выгодным трофеем. Он хочет сломать меня. Я хочу его обчистить. Посмотрим, кто первым устанет играть в эту смертельную игру.

© Иванова Т., 2026

© Автор, 2026

Татьяна Иванова

Корона под черным флагом

Глава 1

Море не любит тишины. Оно вообще не создано для покоя. В тот предрассветный час, когда небо только начинало отделяться от воды, а горизонт представлял собой лишь размытую серую полосу, океан дышал тяжело и хрипло. Это не было ласковое дыхание южных лагун; это был хрип загнанного зверя, который знает, что скоро начнется охота.

Волны шли крупной, тяжелой зыбью, маслянисто перекатываясь под брюхом корабля. Они были цвета старого олова и мокрого графита, с редкими проблесками бирюзы в тех местах, где первые лучи солнца пытались пробить толщу туч, но лишь запутывались в них, как мухи в паутине. Ветер — соленый, пронизывающий до костей, пропахший гниющими водорослями и далеким дымом пожаров — рвал паруса, заставляя их хлопнуть с звуком пистолетного выстрела.

На фоне этого бесконечного, холодного величия природы человеческое судно казалось лишь щепкой, случайно брошенной в бездну. Но это была опасная щепка. Черный корпус фрегата «Морская Ведьма» рассекал воду уверенно и нагло, оставляя за кормой пенный след, который тут же жадно зализывали волны.

На самой верхушке грот-мачты, рискуя сорваться вниз при каждом крене, стояла девушка. Она не держалась за канаты. Ветер трепал её длинные, темные, как смоль, волосы, выбившиеся из-под красной банданы. В зубах она держала серебряную монету, покусывая её край — привычка, выдававшая крайнее напряжение или азарт.

Ариала, в пиратстве пташка, капитан и гроза торговых путей, смотрела не на палубу, а вдаль. Её глаза, цветом напоминающие морскую пучину, блестели, как сапфиры, и были прищурены. Там, за пеленой дождя, который вот-вот должен был хлынуть стеной, виднелся силуэт. Тонкий, едва уловимый, но чужой.

— Ну же, — прошептала она, и ветер вырвал слова из её губ, унося их в рев стихии. — Покажи мне свой борт. Не стесняйся.

Море вокруг «Ведьмы» начинало закипать. Это был не просто шторм. Это было начало.

Жизнь — странная штука. Еще утром я была грозой морей, а сейчас сижу с пьяницами в грязной таверне. На моей палубе появилась крыса, которая устроила мятеж и, скинув меня в ближайшем порту, забрала корабль за мои же заслуги.

— Крысы полубные! Да чтобы вам девки так в постель ложились! — вскочив, крикнула я, размахивая руками и привлекая внимание неприятных типов. Те недобро на меня покосились.

Я не успела насладиться произведённым эффектом. Один из них — здоровяк с гнилыми зубами и шрамом через всю щёку — медленно поднялся. Стул заскрипел по грязному полу. В таверне стало тише. Я улыбнулась. Пьяная, без команды, без оружия, кроме кинжала в сапоге, но улыбнулась. Это была та самая улыбка, которой я обычно предваряла абордаж. Не страх. Азарт.

— Что, красотка, язык за зубами не держится? — прохрипел он, делая шаг. — Может, укоротить?

— Попробуй, — сказала я, и монета, которую я всё ещё держала в зубах, блеснула в свете масляной лампы. — Только учти: я сегодня не в настроении. Корабль украли, команда — крысы, а ром здесь — моча осла.

Он замахнулся. Я нырнула под его руку, выхватила кинжал и приставила к его горлу. Лезвие вошло в кожу ровно настолько, чтобы выступила капля крови. Толпа замерла. Я чув-

ствовала, как от него воняет потом и дешёвым пойлом. Ещё секунда — и я бы полоснула. Но тут в углу кто-то медленно захлопал.

— Bravo, — раздался голос. Спокойный, низкий, с ленцой. — Капитан Ариала, если не ошибаюсь. Гроза торговых путей, а ныне — гроза таверны «Сломанный якорь».

Я обернулась, не убирая кинжала. В самом тёмном углу сидел мужчина. Молодой, но с усталыми глазами. Одет не как моряк: тёмный камзол, дорогая ткань, но пыльная, будто он долго ехал верхом. На пальце — перстень с печаткой, который он, заметив мой взгляд, быстро спрятал в кулак. Интересно.

— Ты кто? — спросила я.

— Тот, кто может вернуть тебе корабль, — ответил он, отпивая из кружки. — Или тот, кто сдаст тебя королевскому патрулю. Выбор за тобой.

Я отпустила здоровяка. Он отшатнулся, кашляя. Я вытерла кинжал о его рубаху и сунула обратно в сапог.

— Корабль мне вернут мои люди, — сказала я, хотя знала, что вру. Людей почти не осталось. Крысы бегут с тонущего корабля, а с «Ведьмы» сбежали все, кто мог.

— Твои люди? — он усмехнулся. — Те, что выкинули тебя за борт? Боюсь, они уже пьют за твоё здоровье. Или за твою смерть. Не помню точно.

Я села напротив него без приглашения. Взяла его кружку, отпила. Ром действительно был дрянной.

— Допустим, — сказала я. — Что ты хочешь взамен?

Он посмотрел на меня внимательно. В его глазах мелькнуло что-то, чего я не ожидала увидеть в такой дыре: холодный расчёт. И ещё — любопытство.

— Мне нужен капитан, который знает Западные острова. И который не боится короля.

— Все боятся короля, — фыркнула я. — Даже король боится короля.

— Не все, — сказал он тихо. — Я, например, нет.

Он поднялся. Бросил на стол монету — золотую, с профилем. Я успела заметить, чей это профиль, прежде чем он накрыл её ладонью.

— Утром, на «Пьяном дельфине». Спросишь мистера Грея. Если не придёшь — пеняй на себя. И вот ещё что, капитан.

Он наклонился к моему уху. От него пахло не ромом, а морем и железом.

— В следующий раз, когда будешь угрожать ножом, не стой спиной к двери. Даже если ты Ариэла. Особенно если ты Ариэла.

— Ариала, — поправила я, чеканя каждую букву. — Меня зовут Ариала. Ударение на вторую «а», если тебе дорога шкура.

Он только усмехнулся и вышел. Дверь хлопнула так, что с потолка посыпалась труха. Таверна снова загудела, будто и не было ни королевской монеты, ни человека с усталыми глазами. А я осталась сидеть, глядя на золотой кругляш. На нём — профиль короля. Молодого, с впалыми щеками и глазами, которые видели слишком много, чтобы спать спокойно. Я перевернула монету. На обратной стороне — свежая царапина, будто кинжалом наспех: «Жду».

Я ухмыльнулась. Ну что ж. Жизнь, похоже, ещё не закончилась. Похоже, она только начинается. И начинается, как всегда, с дрянного рома и хорошей драки.

Дверь резко распахнулась. На пороге — королевские псы. Красные мундиры, алебарды, лица — как несвежие галеты. Патруль. Десяток рыл, и все смотрят на меня, будто я им должна жалованье за три месяца.

— Вот же блин, собачья печёнка! — выругалась я.

Монета — в кулак. Голова — вниз. Я присела на четвереньки и поползла в противоположную сторону от солдат, которые уже всю сцепились с тавернщиками. Кто-то махал табу-

ретом, кто-то — бутылкой, кто-то просто орал и бил по морде первому, кто подвернулся. «Сломанный якорь» превратился в клубок из красных мундиров, рваных рубаш, дыма и мата.

Я скользила между ног, под столами, мимо перевёрнутых кружек. Ром разливался по полу, смешиваясь с кровью. Пахло порохом, потом и жареным луком. Я почти добралась до выхода, уже видела спасительную щель между дверью и косяком, уже представляла, как нырну в ночь.

Но не успела. Удача точно не хочет со мной быть на одной волне.

Меня подхватили за шкурку, как нашкодившего котёнка, и подняли над полом. Ноги заболтались в воздухе. Я обернулась — и увидела ту самую рожу. Бугай со шрамом через щёку. Тот, которому я десять минут назад щекотала горло кинжалом. Гнилые зубы, дыхание — как из бочки с отходами. Он ухмылялся.

— Ну что, крыса? — прохрипел он. — Ты мне за всё ответишь. За горло, за кровь, за порченный вечер.

— Дружище, — сказала я, болтаясь в воздухе, — ты бы меня отпустил. Обоих же поймают. Королевские псы не разбирают — кто пират, кто пьянь. Всех под арест, а кого не доглядают — на рею.

— Ну нет, крыса, — он притянул меня ближе, так что я чуть не задохнулась от вони. — Ты мне за всё ответишь. По-своему. По-пиратски.

И тут ему в спину прилетел стул. Не просто стул — тяжёлый дубовый табурет, которым обычно успокаивают особо буйных. Раздался треск, будто мачта переломилась. Бугай закатил глаза, хватка ослабла, и он стал оседать на пол, как мешок с песком.

— Скотина, — выдохнула я, приземлившись на ноги.

И пнула его. От души. Прямо под рёбра, туда, где у нормальных людей совесть, а у таких, как он, — пустое место.

Он застонал и свернулся калачиком. Я подхватила монету, которую чуть не выронила, и нырнула в дверной проём. Ночь встретила меня дождём, холодом и запахом моря. Где-то за спиной орали солдаты, билась посуда, и кто-то очень громко желал всем присутствующим сгнить в трюме.

Я улыбнулась, сжала монету в кулаке. На обратной стороне всё ещё было нацарапано: «Жду». Дождь заливал лицо, стекал за шиворот, но мне было плевать. Я жива. Корабль украден, команда — крысы, зато шкура целая. А это, доложу я вам, в нашем ремесле — уже прибыль.

— Стоять! Именем короля!

Голос из темноты. Спокойный, как приговор. Я замерла.

— Да что за день сегодня, — прошипела я, разворачиваясь. — Мальчишки, а может...

Не успела договорить. Картинка поплыла — стены домов, лужи, чья-то тень в плаще. Всё это сложилось, как карты в руке шулера, и рухнуло в темноту. Я падала медленно, будто в воду. И даже успела подумать: «Только не это».

Очнулась я от холода. Не того уютного холода, что бывает в трюме, когда рядом бочки с элем и спящие матросы. Нет. Это был злой холод. Каменный. Сырой. Так пахнет только одно место — тюрьма.

Глаза открывать не хотелось. Я и так знала, что увижу: серые стены, решётку, факел за ней и чью-то рожу, которая смотрит на меня, как на воскресный ужин. Но я открыла. И не ошиблась.

Камера. Маленькая, как чулан. Солома на полу, ведро в углу — вместо удобств. За решёткой — факел и стражник. Молодой, прыщавый, с копьём, которое он держал так, будто оно могло его укусить.

— Очухалась, пиратка? — спросил он с гордостью, будто сам меня поймал. Хотя, судя по физиономии, он и кошку поймать не смог бы без помощи трёх товарищей.

Я села. Голова гудела, как рынок в базарный день. Во рту — вкус пыли и чего-то сладковатого. Дурман. Ну конечно. Кто-то угостил меня сонным порошком. В переулке. Пока я улыбалась своему отражению в луже.

— Слушай, красавчик, — прохрипела я, растирая запястья. — Ты не знаешь, кто меня сюда притащил? У меня память девичья — всё забываю: долги, лица, обещания.

Стражник нахмурился. Он явно готовился к другому разговору. К угрозам, к проклятиям, к «чтоб ты сгнил в трюме». А тут — вежливость. Это сбивало с толку.

— Молчать! — гаркнул он, но как-то неуверенно. — Его величество сам будет тебя допрашивать!

Я замерла.

— Вот это поворот. Король. Сам. Меня. Допрашивать.

Я откинулась на солому и уставилась в потолок. Где-то капала вода. Где-то орал другой арестант. Где-то — далеко-далеко — шумело море. Оно звало. Оно всегда зовёт.

— Ну что ж, — сказала я вслух, ни к кому не обращаясь. — Король так король. Посмотрим, кто из нас двоих быстрее выйдет из этой комнаты. И на чьей стороне будет удача.

Я засунула руку в сапог, стараясь не выдать волнения. Пальцы скользнули по холодной коже, по шершавой стельке, по пустоте там, где ещё недавно лежал кинжал. Кинжала не было. Я усмехнулась — криво, одними губами. Конечно, не было. Но монета... Монета была. Я чувствовала её краешек под стелькой — тонкий, почти невесомый, но такой реальный, что сердце пропустило удар. Значит, не всё потеряно.

Стражи не связали мне руки — то ли из пренебрежения, то ли из самоуверенности. Я успела запомнить коридор: длинный, с высокими окнами, забранными частой решёткой, с гобеленами, на которых поблёкшие рыцари сражались с чудовищами. Пахло воском, пылью и почему-то лавандой. Под ногами скрипел паркет, и каждый шаг отдавался в висках.

Не успела я толком расположиться — если, конечно, это можно было назвать расположением, — как меня повели к королю. Вернее, меня завели в красивую, богато украшенную комнату, где король должен был меня ждать. Но короля в ней не оказалось. Высокие потолки, лепнина, позолота на рамах, мраморный камин. Огня в нём не было, но воздух всё равно казался тёплым и спёртым. Я огляделась, ища выходы и возможные укрытия. Привычка.

Возле окна стоял мужчина. Высокий, широкоплечий. Он стоял спиной, и я сразу отметила военную выправку — слишком прямую для придворного щёголя. На нём был тёмно-синий камзол с серебряной вышивкой, высокие сапоги и перчатки, заткнутые за пояс. Форма королевской знати, но не короля. Значит, принц. Белые волосы ровными прядями лежали на плечах, отражая свет серого неба. Но странный ремешок на спине начал меня смущать. Тонкий, кожаный, с металлической пряжкой, он наискось пересекал спину и уходил под камзол. Словно поддерживал что-то, чего не было видно. Может, ножны? Но оружия при нём я не заметила.

Как только мужчина обернулся, я увидела красивое лицо с правильными чертами. Холодный голубой глаз смотрел прямо на меня. Второй был закрыт повязкой, а на первом — точнее, вокруг него — виднелись шрамы. Старые, белесые, они пересекали бровь и щёку, словно след неудачной попытки выцарапать глаз. Или вырвать его. Впрочем, даже это его не портило. Наоборот.

— «Интересно, что у него за буйная фурия там?» — подумала я, не отводя взгляда. «Хотя с таким лицом он точно бабник».

Мы смотрели прямо друг другу в лицо, не отводя взгляда. Ни я, ни он не торопились разорвать эту нить. Словно отвести взгляд сейчас означало признать силу другого — и проиграть этот безмолвный поединок ещё до того, как он начался. Его холодный голубой глаз не мигал. Повязка на втором глазу казалась не слабостью, а знаком того, что он уже пережил что-

то, что мне, возможно, ещё предстоит. Я не улыбалась. Он тоже. Между нами повисла тишина — густая, как воск, и такая же липкая. Я чувствовала, как монета под стелькой давит в пятку. Маленькое напоминание, что у меня ещё есть козырь. Но сейчас козырь был не в монете. Сейчас козырь был в том, чтобы не отвести взгляд первой.